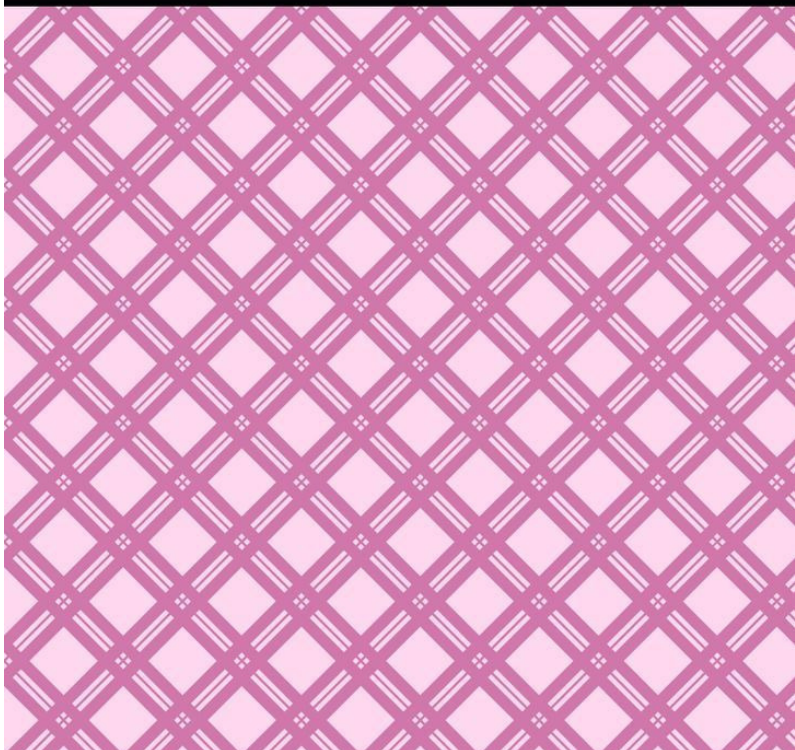

18+

МАРИНА КУЖМАН

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Марина Кужман

Бруклинский мост

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558517

ISBN 9785449837530

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Спонтанность, самобытность всякого происходящего события – это высшее выражение индивидуальности; ее соответственная субъектная форма. Свежесть, энергия, исключительная интенсивность порождаются ею. В ряду событий, через которые проходит личность, устремляясь к идеалу совершенства, всматриваясь в конечную цель, восхождение дает возбуждение более острое, чем долгое пребывание на стадии уже достигнутого, когда все главные вариации уже исчерпаны». А. Н. Уайтхед

Содержание

2	7
3	8
/И. Бродский «Подражание Горацию»	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
9	15
10	16
11	17
12	18
13	19
«К кому ты?»	20
ПРИЕЗД	21
14	22
15	23
16	24
17	25
18	26
19	27
20	28
21	29

22	30
«LIVING IN»	31
23	32
24	33
25	34
26	35
27	36
28	37
29	38
30	39
31	40
32	41
ЛОУРЕНС	42
33	43
34	44
35	45
36	46
37	47
38	48
МАРРИ	49
39	50
40	51
41	52
42	53
43	54
44	55

45	56
ДЖО	57
46	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Бруклинский мост

Марина Кужман

© Марина Кужман, 2020

ISBN 978-5-4498-3753-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1/ ОТЪЕЗД-2

2/ ПРИЕЗД-13

3/ LIVING IN-22

4/ЛОУРЕНС-32

5/МАРРИ-38

6/ ДЖО-45

7/ ЮЛЯ И ЭНДИ-68

8/ЧИКАГО-78

9/КОННЕКТИКУТ-81

10/ ПАРК СЛОУП-95

11/НЕВЕСТА-107

12/ ПИТЕР-113

13/ БРИЛЛИАНТ-127

14/ 55 УЛИЦА-139

15/ СТИВЕН-154

2

«Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на памятый рублик.
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта.

Трещит обшивка по швам на ребрах.
Кормщик болтает о хищных рыбах.
Пища даже у самых храбрых
валится изо рта.

Лети, кораблик! не бойся острых
скал. Так открывают остров,
где после белеют кресты матросов,
Не верь, дружок, путеводным звездам,
схожим вообще с офицерским съездом.
Тебе привязанность к праздным безднам. скорей вредна
Но ты, кораблик, чей кормщик Боря,
не отличай горизонт от горя.

3

Лети по волнам стать частью моря,
лети, лети»

И. Бродский

«Подражание Горацию»

Это я потом уже нашла спустя многие годы, наверное в году 2010,

это стихотворение определённо посвящено мне. То есть Бродский знал о моём существовании и даже о моих сильных и слабых качествах.

Да много странных совпадений я нашла позже. Например, перед отъездом Дом Мурузи, в котором жил мой любимый друг Борис, а с 1955 по 1972 там жил Бродский в 1992 был продан шведской компании.

В 1992 летом я сдаю комнату шведскому

4

студенту Матиясу, приехавшему в Россию изучать русский язык. Позже читая биографию Бродского узнаю что летом 1992 едет на отдых в Швецию. В Америке мне как-то попадается словарь, объясняющий происхождение фамилий и я нахожу что моя фамилия имеет шведское происхождение..

Раннее утро 29 октября 1992 Санкт- Петербург, холодно: пронизывающий ледяной ветер, снег с дождём. Мой рейс в шесть часов. Последняя ночь у Бориса и с ним. Надеюсь через полгода вернуться, он обещает меня ждать. Но у него глубокие сомнения в том что я вернусь. Почему?

А я думаю, как я устроюсь в Нью-Йорке, лечу по приглашению, которое купила по газетному объявлению. Всё меня

5

выталкивало из России последний год, а может и раньше, но когда переходишь точку сингуляр, начинаешь действовать. Казалось, ещё одну зиму в Ленинграде, ставшим Санкт-Петербургом, я просто не выживу. Но главное – мои неопределённые отношения с Борисом. Он любил меня, но не решился на совместное проживание не на моё желание родить ребёнка, всё сводилось к встречам, правда частым или я на несколько дней в основном на выходные уезжала к нему. Возможно всё шло в правильном направлении но я была слишком горячая и мне не хотелось скорей сейчас и здесь, а он был холодный как «айсберг в океане».

Другая причина отъезда советская экономика рухнула вместе с крушением государства и моя специальность экономиста стала не востребована,

6

была работа бухгалтером в новых кооперативах – кругом ввали, мошенничали, воровали, а я как главный бухгалтер должна была всё это прикрывать и покрывать. Шохин, один из представителей нового правительства, снял материальную ответственность с главных бухгалтеров за объёмы работы, да и поскольку я была в единственном числе главным, без подчинённых, и объекты часто были на большом удалении, что-то проверить невозможно было физически. Новое правительство широко открыло ворота для беспредела, стратегическое сырьё шло за копейки во враждебные страны.

«Дебит с кредитом не сходится, а человек с человеком всегда сойдётся,» – любил повторять один мой знакомый.

Особенно, когда есть взаимная выгода, а

что будет с остальными, как это отразится на всеобщем благе, «Put on yourself first» – Себя свой интерес поставь на первое место, – принцип капитализма везде властвовал, а после нас хоть потоп и никаких сдерживающих и регулирующих рычагов в новой стране не было. Советский Союз рухнул или совершил самоубийство, поскольку государства завоёвывают, а тут оно само себя уничтожило, и теперь шло разграбление России.

Благодаря моему обаянию, дружелюбию, умению и желанию нравиться все двери были для меня открыты: банк не задерживал зарплату, налоговая сходу принимала все отчёты, таможня без задержки подписывала документы, рядом в очереди сидели клиенты, которые приготовили десятитысячные взятки, и им приходилось ждать, я же

8

никому ничего не давала, и все удивлялись как это у меня так получалось. Директор моего первого кооператива давно заметил во мне это качество. Когда я увольнялась, он сказал: «Договоришься с кем угодно на любом уровне: и с последним работягой, и с министром,» – и с печалью в голосе добавил: «но очень взбалмошная». Это по поводу моего внезапного отъезда в Ленинград, в неизвестность – бросать место, где я была самым высокооплачиваемым экономистом в стране, ехать в коммуналку, когда тебе предлагают двухкомнатную квартиру в Москве. Но любовь не подвластна логике.

В сравнении с любовью, материальные выгоды и ценности кажутся ничтожными. Много примеров этому в истории и литературе.

9

По многим причинам, я улетаю. Но последняя, а может, решающая, что новый Санкт-Петербург с появившимися очередями за хлебом и молочными продуктами, нищими на станциях метро, просящих милостыню, стал очень криминальным и меня хотели физически убить. Я чудом спаслась и когда столкнулась с правоохранительными органами, увидела, что ничего не работает. У меня началась тревога. Я боялась за себя, за дочь. Боялась отпустить её в школу, я работала, и она должна возвращаться из школы одна. Мне не хотелось никуда уезжать, но моё беспокойство, смешанное с отвращением к новому режиму нарастало, я уже не могла больше так жить. Поэтому когда я прочла однажды объявление в местной

10

газете, что продаются вызовы в Америку, я позвонила, мне назначили цену. Я продала свою золотую печатку и на вырученные деньги 30 долларов купила себе вызов.

Я долгое время прожила в провинции и понятия не имела, как люди уезжают за границу.

В Советском Союзе это было, практически невозможно, да я особенно и не стремилась. При покупке вызова мне объяснили, что я должна сделать, и всё сработало. На следующий день после празднования моего дня рождения я приехала в американское консульство и в тот же день получила визу. В то время у меня снимал комнату студент из Швеции, в которой был сухой закон. Матиас приехал изучать русский язык, у него были доллары, покупная цена которых была высокая, шла

космическая инфляция, но цены на молоко, хлеб, овощи, рыбу, квартиру, коммунальные услуги оставались прежние и потом ничего не хотелось откладывать, потому что деньги в рублях обесценивались стремительно. Мы с ним сразу подружились, в нём не было ничего снобистского и в то же время европейская культура, он был простой, как из русской северной деревни, где люди добродушны и простодушны, никакой фальши, такой Афанасий Никитин в Хождении за три моря. Матиас меня отговаривал ехать в Америку. Он считает американцев, самодовольными, тупыми, интересующимися только материальными ценностями, в подтверждение он рассказывает как недавно здесь в Санкт-Петербурге он познакомился с двумя толстыми

12

американскими девушками, и их больше всего интересовало, какую машину он имеет, а не что он читает и кем собирается быть.

Но вот я уже прохожу таможенный контроль, пью шампанское с каким-то известным спортсменом. Остановка в Ирландии, я первый раз в моей жизни пью апельсиновый сок, он стоит доллар.

Несколько часов в аэропорту, чисто, красиво, в лавках товары, которых у нас почти не встретишь. Идёт женщина в деловом костюме, слегка поношенном, она выглядит элегантно, в одной руке у неё тряпка, в другой швабра, театральными лёгкими движениями вытирает пыль, на неё приятно смотреть. Остановка закончена, полёт продолжается.

Но вот самолёт приближается к Нью Йорку, идёт на посадку, выдают анкеты:

«К кому ты?»»

ПРИЕЗД

Меня должны были встретить знакомые знакомых. Но никого не было. Позвонила по телефону, который дала мне знакомая в Питере, никто не ответил. Стою с тележкой, сумки набиты книжками, знакомые посоветовали мне привезти с целью продажи, чтобы были деньги на первое время, в огромном как из другого века аэропорту Кеннеди чувствую себя на другой планете, вокруг никто не говорит по-русски, а мой

английский очень лимитированный. Я устала, мне хочется спать. Куда идти? Что делать?

Вдруг подсакивает молодой грузин и предлагает подвезти в русское общежитие. Спрашиваю о цене. Меня всё устраивает, у него нет клиентов, а у меня выбора. Вот мы уже в его машине, едем в Бруклине, где нет никакой громоздкости, маленькие аккуратные домики, тепло, светит солнце. Настроение моё идёт вверх, возвращается уверенность. Мой водитель, грузин из Израиля, говорит по-русски, рассказывает как устроиться на работу и какие есть работы. Предлагает:

– Устройся официанткой в стриптиз бар. Знаешь, какая выгодная работа, какие бабки, и ничего делать не надо – оденешь лифчик красивый и трусики, и

15

будешь подносить только напитки.

Смеюсь, мне исполнилось тридцать семь, мне кажется это уже довольно преклонный возраст и я планирую устроиться няней в семью. Он опять спрашивает:

– Сколько у тебя денег с собой?

– Около пятисот долларов, – сообщаю я.

– Давай я помогу тебе открыть счёт в банке. Неизвестно какие люди будут в общежитии.

Удивляюсь:

– У меня нет американских документов, и я не настолько знаю английский, чтобы заполнить анкеты.

Он вызывается помочь, я только ставлю свои подписи, как в паспорте. И вот уже всё в порядке, даёт мне какие-то бумаги,

16

при предъявлении которых, как он сообщает, я могу снимать мои деньги со счёта. Решили оставить только тридцать долларов, чтобы заплатить за три дня проживания в общежитии. Мы подъезжаем к небольшому аккуратному двухэтажному домику общежития.

Выхожу из машины, ласковый тёплый ветер как бы говорит: «Добро пожаловать».

Общежитие на Neck Road, моё первое местопребывание в Нью Йорке. На следующий день я пошла в банк и обнаружила, что никакого счёта нет, что меня обокрали. Я почти не знаю языка, никаких друзей и знакомых. Первая мысль вернуться в Россию, но билет был с фиксированной датой на 6 мая 1993, чтобы его поменять, надо доплатить сто долларов.

Где взять эти сто долларов? Я пошла в

агенства, которые помогают вновь прибывшим иммигрантам найти работу, как было написано в газетах. Когда выслушивали мою просьбу и обещание, что я после возвращения вышлю им 100 долларов, на меня смотрели с таким изумлением, как будто я прошу у них их внутренние органы. Я поняла, что легче ограбить банк, чем выпросить в долг у этих людей 100 долларов. Через день кончается моя оплата за общежитие. Три дня я ничего не ела, я подружилась с женщинами в общежитии, когда они готовили еду, они приглашали меня за стол, я отказываюсь, мне неудобно, что я в ответ не смогу угостить. Мне не хотелось никого посвящать в свои проблемы. Я видела, что у всех был напряг с работой и деньгами. Я пошла в ближайшее агенство по трудоустройству

и сказала, что не уйду пока они мне не найдут работу с проживанием, что мне некуда сегодня идти ночевать, меня обокрали и я практически на улице. Агентша спросила есть ли у меня английский и я сказала есть, по всем параметрам я подходила, мне было тридцать семь, приличный вид, скромно одета: чёрная юбка ниже колена, тёплый махровый итальянский свитер красивого василькового цвета с большим воротником, куртка- полупальто из чёрной кожи, чёрные чулки, кожаные тёмно серые ботинки,. Можно было подумать, что я богатая еврейка, проживающая в Боропарке: хорошая стрижка на густые волосы выглядела как добротный парик. Наконец, приехала на своей машине семейная пара из Квинса, после

короткого интервью, они меня взяли. По дороге они спросили, какой я религии, я показала крестик, они были слегка разочарованы, они думали что я еврейка, они были евреи, правда родители хозяйки были поляки, а её муж был выходцем из Латинской Америки. Они решили помочь мне заявить в полицию на того, кто обокрал меня. В марках машин я не очень разбиралась, но запомнила, что у него была разбита правая задняя фара и конфигурацию машины тоже запомнила. Мы заехали в полицейский участок аэропорта Кеннеди, полицейские выслушали с пониманием и вниманием, затем достали картотеку преступников такого направления, но среди предложенных этого проходимца не было. Они не могли ничего найти, но главный полицейский

20

сказал, что он чувствует, что этот тип здесь промышляет не первый раз и что он должен опять здесь появиться. Было решено, что когда будет следующий рейс из России, я приеду и вместе с полицейскими мы найдём его машину. Так и было сделано, я нашла машину с подбитой задней правой фарой. Они взяли номера машины. Пришёл брат этого мошенника, вернул мне деньги и просил забрать обратно полицейский рапорт, но это уже было невозможно сделать, в полиции всё регистрируется.. Мне очень понравилось, как работали полицейские, они были очень внимательны, деловые без напряжения и в то же время вежливы и приятны, я сравнила с русской милицией – это было небо и земля, у меня не было точных планов остаться в Америке, но после

21

этого случая мои симпатии к этой стране резко возросли, я почувствовала себя защищённой. Чёрный полицейский, который возглавлял операцию, был одет не в форму, а на нём была какая-то звериная шкура, он всё время шутил, он был весёлый и добрый, когда всё завершилось, с какой-то грустью посмотрел на меня на, мои начищенные ботинки.

«LIVING IN» /ЖИВУЩАЯ ВНУТРИ/

Семья, куда я попала: у них был маленький ребёнок, который начинал ходить, очень худенький и нервный, ещё у мужа было трое детей от первого брака: две девочки и мальчик-8, 10 и 12лет, они ходили в школу. Когда девочки остались со мной, всё время плакали, они скучали по их маме, с которой отец не разрешал встречаться, мне было тяжело это видеть, я оставила в России свою восьми с половиной лет дочь и моя тоска по моей дочери усиливалась ещё мыслями что и она может вот как эти девочки скучает по мне. Мне была тяжела первая несвобода: весь день я должна была

что-то делать: стирать, убирать и даже когда нечего делать, должна была делать вид, что занята, мне нельзя было просто выйти не на минуту за пределы дома, даже у заключённых есть время на прогулки, здесь ничего не предусматривалось, я почувствовала себя как в рабстве. Я смотрела иногда в окно, там вдалеке была река, и на меня находила такая тоска. Так я у них пробыла около недели, но тут вернулась их бывшая няня – израильская девушка, которая работала у них около года, потом ушла на фабрику, но ей там не понравилось. Меня уволили, ничего не заплатив, но я была не в обиде, всё-таки они мне дали кров и помогли вернуть мои почти пятьсот долларов.

Я вернулась в общежитие, пошла в то же самое агенство и тут же попала в семью богатых иранских евреев в Лонг-

Айленде, условия были лучше, люди мягче, семья счастливее и платили не много, но без задержек, в неделю я получала в пять раз больше, чем за месяц, работая главным бухгалтером в новоиспечённом кооперативе частных предпринимателей в России. В семье было двое мальчиков, одному четыре, другому два. Старшего отвозили в школу. Глава семьи – доктор. Он уезжал очень рано и возвращался поздно и так шесть дней в неделю и у меня был один выходной.

Но днём мне разрешали гулять почти два часа, вокруг был лес, деревья покрытые жёлтой листвой- золотая осень. Иногда, вечером они уезжали в гости и оставляли меня одну с детьми, мне нравилось смотреть детские мультфильмы, особенно запомнился

Beauty and the beast-Красота и чудовище. Потом я смотрела этот спектакль на Бродвее. Хозяйка была почти моего возраста, она не работала и очень любила ездить в гости к своей многочисленной родне и я сопровождала её. Часто они устраивали застолья, вечеринки, на очередной они курили гашиш из одной трубки по очереди, а мне налили водку, они почему-то думали, что если я русская, должна стаканами пить водку, когда я отказалась, удивились. Они постоянно объясняли мне, что они иранские евреи, а не арабы. Для меня это не имело никакого значения, я была из Советского Союза, где вирусы национализма и расизма были давно истреблены.

Мой английский оставался

ограниченным, прочесть какую-нибудь книгу я не могла, телевизора не понимала, в конце-концов к тоске по дочери началась тоска по полноценному общению. Один выходной я проводила в общежитии, куда я приехала из аэропорта. Наговориться и насмеяться с такими же одинокими женщинами, как и я, которые также работали с проживанием.

После нескольких недель работы с проживанием в иранской семье мой бытовой английский постепенно улучшился. Собственно, не так много языка требуется, чтобы выполнять домашнюю работу. Чем дольше я находилась в этой дружелюбной семье, тем тоскливее мне становилось, но мне хотелось вернуться домой с деньгами. Платили мне 160 долларов в неделю, не

так много по американским меркам, но я была довольна, сравнивая зарплату, которую я получала в России, как высокооплачиваемый специалист работая главным бухгалтером, 30-20 долларов в месяц или \$5-\$6 долларов в неделю, а здесь 160 долл. в неделю плюс бесплатное проживание и питание, и я могла складывать деньги. После распада Союза новое холуйское ельцинское правление, -забота только о личном благополучии своих родных и близких, погрузило в беспросветную нищету большинство населения России.

В очередной мой приезд в общежитие, я узнала, что можно взять более оплачиваемую работу. Моё желание взять новую работу укрепилось ещё больше после того как моя хозяйка стала уезжать в гости без детей и при

этом привозили ещё четверых детей её беременной тридцати восьмилетней сестры и её пятидесяти трёх летнего мужа, все мальчики 8-6-5-4 и все неуправляемые, удержать их чтобы они не поубивали друг друга или не спалили дом стоило больших трудов, физические наказания в Америке запрещены, но я иногда шлёпала их чтоб привести в чувство, я как-то справлялась с ними и мои хозяева стали этим злоупотреблять, при этом никакой дополнительной платы не предлагалось.

Я позвонила в агенство, и мне предложили работу 350 долларов в неделю и без детей, только убирать дом. Это было в Нью Джерси. Я поехала, с трудом нашла нужный автобус, две чёрные женщины объяснили мне как пройти к остановке, они так же

внимательно посмотрели на мои до блеска начищенные сапоги, как смотрел чёрный полицейский, помогший вернуть мне украденные деньги.

Я вышла на условленной остановке и тут же увидела как затормозила бежевая машина моих будущих работодателей, из машины выскочила пожилая полная женщина с жирными ляжками, одетая в короткую юбочку, как трёхлетняя девочка и она приветливое замахала мне рукой.

Я села в машину на заднее сидение, мы познакомились и поехали в дом. Меня провели в комнату с люксом благоустроенным под жильё подвале. Хозяйка – выглядела бабушкой за шестьдесят и то что она жирная в короткой юбке делало её карикатурно нелепой, а муж был стройный подтянутый моложавый, ему легко

можно было дать сорок с небольшим; Хозяйка посмотрела на меня невидящим взглядом, может прочитав произведённое впечатление, отразившееся в моём мозгу и сказала, что сегодня я могу отдыхать и проводила меня в предназначенную мне комнату. Я смотрела телевизор, вечером она принесла огромный кусок необыкновенно красивого и вкусного торта. Утром, рано, неожиданно постучали в мою дверь, я успела накинуть кофту, даже не успела одеть бюзгалтер, ей нужно было срочно вести меня на верх, то что я полураздета её не волновало она была сосредоточена на том чтобы объяснить мне мои функции. Она стала показывать дом и что я должна делать. Дом был огромный, что-то типа Дома князя Воронцова в Крыму и

куча всяких дорогих статуэток, и тут ещё появился её муж, увидев меня заулыбался. Меня всё очень смутило, что я стою без лифчика перед чужим мужчиной, я скрестила руки, чтобы прикрыть грудь, но это не уничтожило у меня чувство неловкости, а он не уходил и смотрел на меня, как будто я была одета очень даже отлично и он не отрывал от меня взгляда, продолжая улыбаться. Она тоже притормозила с объяснениями как чистить её многочисленные дорогие статуэтки нимф и Афродит, ей тоже что-то не понравилось в этой ситуации, и она сказала, что я ей не подхожу, потому что у меня недостаточный английский. Они довели меня до остановки и я поехала в общежитие в Нью Йорк. Я была уверена, что меня возьмут на новую

работу и предварительно рассчиталась в иранской семье. В результате я оказалась без работы, особенно я не расстраивалась, за месяц с проживанием я скопила какие-то деньги, а ощущение свободы, что я принадлежу себе, окрыляло.

ЛОУРЕНС

И так я опять в общежитии, вскоре я узнаю, что есть дешевле общежитие и я перехожу на Лоуренс где койка место всего пять долларов в сутки и комнаты на двоих и второе место свободно и я практически одна в комнате. Рядом в пешей доступности трудовая биржа, где

дают работу по уборкам у местных евреев. Еврейский район называется Боропарк они живут мистической жизнью всё расписано по Талмуду, много синагог они молятся и каждую неделю в пятницу вечером шабаш- праздничное застолье, после посещения мужчинами синагог и в субботу никто не работает, женщины не выходят из дому, мужчины идут в синагогу. Они не смотрят телевизора, не пользуются интернетом, ни кино, ни театров, только читают книги. Мужчины всегда одеты в специальную униформу: белая рубашка, остальное всё чёрное – брюки, пиджаки, пальто, шляпы, и все с пейсами – длинными бакенбардами поэтому их за глаза называют «пейсатыми,» женщины в длинных платьях, все части тела тщательно закрыты, никаких коротких

рукавов, никаких вырезов, голова всегда прикрыта: парик, платок, чалма. Они живут своей мистической жреческой жизнью, время как будто остановилось, непонятно в каком они веке и в какой стране- первый язык у них идиш и дети ещё не посещающие школу часто не знают английского, а говорят на немецком диалекте идиш. Детей много их религия запрещает им предохраняться и в семьях по 10—15 детей, нянек они практически не нанимают с детьми занимаются сами и потом старшие и нянчат младших и все друг другу очень помогают, агрессия очень снижена в этом еврейском районе, практически сведена к минимуму, иногда меня просили работать поздно вечером и мне никогда не страшно было там ходить в отличии от других районов

Нью-Йорка. Днём я работала, а вечер был свободный. Платили каждый день наличными, платили чётко, чаевые редко, но никогда не обманывали, так что усталости особенной не чувствовалось, вернее она быстро проходила, после пятнадцати лет сидячей офисной работы от которой у меня начала болеть спина для меня это был практически отдых. В свободное время я любила ходить по магазинам по сравнению с Россией разнообразие товаров даже в одно-долларовом магазине завораживало и всё один доллар, то есть доступно всем.

На бирже при найме на работу на уборки, я была очень востребована. Еврейские женщины очень любили со мной разговаривать, я плохо понимала, что они говорят, но сама говорила много

и охотно. Ещё я делала всё быстро и качественно, и радостно; мне было всё равно мыть пол руками или шваброй, платили почасовой, а физические нагрузки мне нравились, я когда-то занималась серьёзно лыжами и в мои тридцать семь у меня была фигура стройной шестнадцатилетней девушки.

Мне нравились палитра цветов и оттенков в магазинах, украшения домов к рождеству, царящая вокруг вежливость и доброжелательность, я любила зайти в крохотные магазинчики рассыпанные на каждом углу и выпить кофе, всегда тебе дадут запас тепла и эта вежливость «...что угодно мисс, thank you, please...» дадут ощутить, что местное человечество тебя принимает и обожает.

Однажды, гуляя по магазинам, я

познакомилась с арабским парнем, свободно говорящим по русски- он когда-то учился в Москве, а сейчас работал продавцом в обувном отделе и жил с родителями говорил в Бруклине.

Мы подружились и когда случился инцидент в общежитии, он мне помог. Как-то по доброте душевной, я притащила в свою комнату одну Московскую девушку, мы познакомились в первом общежитии. Она бедствовала, не могла найти работу и жилья тоже. Я помогла ей с работой, привела на биржу. Когда она устроилась, резко изменилась, стала агрессивной, у неё появился друг из соседней комнаты, который практически не покидал нашу, и когда я попросила его, чтобы он вышел на минутку – мне нужно было переодеться, – покрыла меня таким матом. Я поняла,

что дальнейшее наше соседство продолжаться не может, что я мешаю счастью этой новой пары. У меня было заплачено вперёд и я уступила своё место тоже одной девушке без работы и денег и она мне обещала мне их потом отдать, но потом просто послала меня подальше. Эмигрантский контингент из Росси как я много раз убеждалась был ещё тот.

МАРРИ

Я обратилась за помощью к моему новому арабскому другу, помочь с жилищным вопросом и он сказал, что у него есть друг, который снимает комнату и я могу там временно пожить, пока не

найду что-нибудь более подходящее. Так я оказалась соседкой Марри Сайнес. Он был белый американец. В доме населённом квартирантами-эмигрантами его не любили. Не любили по нескольким причинам, во-первых он был настоящий белый американец, он был коренной американец, он был эмигрант в третьем поколении, а все квартиранты были новоиспечённые эмигранты. Все были молодые, здоровые и при работе, а он был худенький и слегка заторможенный, может от постоянного недоедания и ему было то ли тридцать девять и он в молодости сидел на

марихуане, чтобы перенести соприкосновение с действительностью – а она была трудовая, разные неквалифицированные работы; колледжа он не закончил, мечтал о

Голливуде. И на самом деле Марри был похож на Вуди Аллена. Последние несколько месяцев будущий актёр был в поисках работы. Платить за комнату давно было нечем, и хозяйка требовала, чтобы он съезжал. Марри бредил Голливудом, считал себя актёром, но несмотря на его тщедушный вид у него был мощный хорошо поставленный голос, правильная грамотная американская речь, он участвовал в любительских спектаклях, и эта работа над собой наверное отнимала у него последние силы. Бросить привычку к наркотикам ему помогло увлечение новой религией. Он принадлежал к

какой-то религиозной группе и утверждал, что летает на другие планеты- это тоже окружающих раздражало его полёты на другие

планеты. Он не ел мяса как бы по религиозным соображениям, но его бюджет это тоже не позволял; спиртного не пил, не курил.

Марри питался одной спаржей и все жестоко смеялись над ним. Днём он ходил в поисках работы, но его никуда не брали, ему уже было около сорока, определённой профессии у него не было и вид как после длительного посещения Освенцима не внушал оптимизма. Но меня сразу привлекла его духовность и то что у него есть большая цель и то что в нём не было ничего банального и вульгарного и мне захотелось сблизиться и расспросить про полёты на другие планеты, если он в это верит,

значит в этом что-то есть. Я выросла в Советском Союзе, где моё поколение все были атеистами, жизнь была очень

реалистична и однообразна, всё было расписано как в талмуде, обязательная трудовая повинность и скука.

Мы познакомились с Марри на кухне, когда он в очередной раз готовил свои несколько веточек спаржи, мы посмотрели друг на друга и разговорились. Марри выглядел обрадованным, что я нарушила его одиночество, я сразу почувствовал симпатию, и с моим плохим английским я для него выглядела как инопланетянка я это тоже почувствовала и это очень раскрепостило меня и мой интерес к полётам на другие планеты воодушевил его и он стал рассказывать о своём опыте. Я слушала его с вниманием. Я мало понимала, что он говорит, но меня

восхищал его энтузиазм и вера и между нами возникла симпатия и притяжение.

То что он выглядит очень значимым в моих глазах придало ему уверенности и он так решительно предложил переехать к нему в комнату, что я не могла не согласиться. Я быстро перенесла сумку с моими вещами из комнаты арабского друга в комнату Марри.

Когда мы легли в постель, Марри спросил: «Can we make sex?»

Мне стало скучно от банальности вопроса и я скромно ответила: «No».

Но Мари был доволен и тем, что я перешла жить к нему и поделила его одиночество, без всякого меркантильного интереса, просто потому, что он мне показался значительным с его полётами на другие планеты. Все в доме ещё больше

возненавидели его. Они были без женщин, а он оказался в числе избранных. Мой арабский друг был тоже не доволен моим выбором, мужчины не любят когда их бросают. Мои обиженные, оставленные арабские друзья нажаловались хозяйке, что я курю. Она пришла и разоралась, чтобы мы выметались. Мари своим красивым мощным голосом истинного американца, актёра, мечтающего о Голливуде, веско пообещал ей, что мы в ближайшие дни съедем, но чтобы она оставила нас в покое. Странное совпадение, что эта старая итальянка через две недели сама ушла на покой, в мир иной, то есть в действительности умерла. Я узнала об этом позже, когда уже две недели жила в другом месте.

Мой интерес и симпатия к Марри наполнили его энергией оптимизма и в

ближайшее время он нашёл какую-то работёнку в кафе. Но денег снимать жильё у него не было, платили через неделю и где-то надо было быть эту неделю.

ДЖО

Поздним вечером мы покинули нашу комнату в деревянном двухэтажном доме итальянки и двинулись по направлению к авеню J, где неподалёку обитал давний друг Марри. Была поздняя осень. Аллеи огромных, могучих деревьев с широченными стволами, отделявшие тротуар от мостовой были усыпаны огромными жёлтыми листьями. Если в Манхеттене поражают небоскрёбы, то в Бруклине необъятные по ширине, уходящие в небо мощные

деревья. Марри как бы озвучивая моё восхищение деревьями, похлопал рукой кору дерева и сказал с задумчивым театральным видом: «I very much love the trees!»/ Я очень люблю деревья/

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.